

Кьяра Рампаццо

Нина Петровская. *Разбитое зеркало: Проза. Мемуары. Критика.* Сост. М.В. Михайловой; вступ. ст. М.В. Михайловой и О. Велавичюте; коммент. М.В. Михайловой и О. Велавичюте, при уч. Е.А. Глуховской, Б.С.Г.-Пресс, М., 2014, 960 с.

Имя Нины Ивановны Петровской (1879-1928) чаще всего ассоциируется с двумя страстными историями любви, случившимися в её жизни, первая – “неземная” мистическая любовь с Андреем Белым и вторая – любовь, пронесенная через всю жизнь, к В.Я. Брюсову. В связи с этим в сознании филологов и читателей творчество Нины Петровской отошло на второй план: сначала упоминают ее любовные терзания и сумбурную жизнь¹, а только потом говорят о ее художественных произведениях, которые, как наконец свидетельствует рецензируемая книга, не менее достойны внимания и глубокого рассмотрения. Данная книга в свою очередь свидетельствует, что в последние годы, благодаря многочисленным исследовательским работам, возобновляется интерес ко многим несправедливо забытым писателям и деятелям русской литературы и культуры начала XX века.

Помимо яркости личности Петровской, настоящее издание отражает и многогранность ее творческих усилий. Книга *Разбитое зеркало* является полным собранием художественных, мемуарных и литературно-критических текстов писательницы, впервые собранных вместе в одном томе (соответственно выделены три раздела: Проза. Мемуары. Критика) и дополненных вступительными статьями и объемным комментарием, составленным М.В. Михайловой и О. Велавичюте, при участии Е.А. Глуховской.

И все же прежде чем приступить к характеристике ее творчества, с исчерпывающей полнотой представленного в рецензируемой книге, надо сказать несколько слов о ее биографии и взаимоотношениях с окружающей литературной средой. Нина Петровская была талантливой писательницей, глубоким и приметливым мемуаристом, тонким литературным критиком и одаренным переводчиком (она

¹ Об этом главным образом и говорится в одном из первых откликов на рецензируемую книгу: см.: www.colta.ru/articles/literature/5163

прекрасно владела итальянским языком, а также французским). Ее первые литературные опыты, отмеченные своеобразной художественной манерой, развивавшейся в русле символистских новаций, относятся к ранним годам, когда она стала женой московского издателя Сергея Соколового (Кречетового). В это же время ранее упомянутые центральные фигуры в судьбе молодой женщины уже заняли свое место: это Андрей Белый (вскоре разорвавший с ней отношения) и Валерий Брюсов, сыгравший поистине роковую роль в ее жизни, не только в сфере ее эмоциональной жизни, но и способствуя окончательному формированию ее символистского мировоззрения. Несостоявшаяся с ним история любви подтолкнула Петровскую к переезду за границу с тем, чтобы никогда более не возвращаться на родину. Но за границей ее жизнь с каждым днем становится все невыносимей не только материально (она не может найти постоянной работы), но и душевно: сначала в Италии, потом в Берлине и, в конце, в Париже. Именно здесь жизнь уже окончательно заходит в тупик: внутренние переживания и смерть сестры в 1928 году окончательно подорвали душевное здоровье Нины Петровской (по некоторым свидетельствам, она имела склонность к алкоголю и наркотикам), и, не выдержав на этот раз обрушившихся несчастий, чувствуя себя никому не нужной, она кончает с собой.

Однако ее личность была столь незаурядна, так глубоко врезалась в память, что еще при жизни она стала прообразом героинь в романе Брюсова *Огненный Ангел* (образ Ренаты) и романа Ауслендера (образ Юлии Агатовой), а после смерти удостоилась упоминания как символ эпохи в воспоминаниях В.Ф. Ходасевича, как человек особенной значимости в мемуарах Белого, Н. Берберовой и др. «Из своей жизни она создала поэму» – это лаконичное выражение Ходасевича точно характеризует всю сущность ее бытия. Петровская прожила свою жизнь, отдаваясь идеалам вечного искусства, воплотив жизнь в творчество и реализовав творчество в жизни, что полностью отвечало завещанному символистской эпохой принципу *жизнетворчества*. Эти принципы были четко зафиксированы Брюсовым в стихотворении *Юному Поэту*, выражающем программную концепцию мировоззренческой художественной системы русского символизма, и сформулированы Вяч. Ивановым в выражении *a realibus at realiora*. Таким образом, жизненный путь Петровской характеризуют понятия грядущего времени, поклонения искусству, беспредельной любви как вечной неизбежной силы,

препровождаящей человечество к свету, обеспечивающей просветление мира.

Первую часть книги *Разбитое зеркало* «Проза» открывает ее единственная прижизненная публикация – сборник рассказов *Sanctus Amor* (посвященный Ауслендеру), опубликованный в 1908 году издательством «Гриф». Все рассказы объединены общим сценарием, главный герой которых – мужчина (ему принадлежит и авторский голос). В этих рассказах всегда трое действующих лиц, как и положено в любовном треугольнике, Он, Она и Другая. Никто из них не имеет конкретных имен: таким образом, Петровская подчеркивает вечность разыгрываемых сюжетных коллизий. Они всегда определяются тремя аспектами: ожидание прихода истинной любви, возвышение духа счастьем и боль разлуки. Опустошенные персонажи растерянно живут, жаждут освобождения от тяжкого течения бытия. Они надеются на любовь, на ее возвышающую миссию (на это указывает название сборника, переводимое как «Святая любовь»). Герой связан с женщиной, характеризующейся чертами простоты и равнодушия, но ждет Другую, ту самую, которая позволит ему выйти за пределы реальности. В повествовательном крещендо стержень фабулы возникает в момент соединения душ, в тот миг, когда земное и потустороннее пространство пересекаются и сливаются в единое целое. Вслед за этим наступает спад: героиня, бросив возлюбленного, исчезает, и герою остается только связь с тою, что является зеркально противоположным отражением великой, но так и не состоявшейся любви. Поэтому нередко смерть оказывается единственным выходом. Та же самая атмосфера одиночества, покинутости и опустошенности преобладает в прозе периода эмиграции, хотя меняются творческие приемы: проза становится не расслабленно-символистской, медитативной, а упругой, насыщенной, в ней появляются экспрессивные элементы, “рубленные” фразы, становится осязаемым ее орнаментальный характер. Персонажи уже не безлики и всеобщы, они приобретают индивидуальные черты, их психология оживает.

О художественной стилистике Петровской подробно рассказано в предисловиях к первым двум разделам (второй, как уже указывалось составляют Воспоминания), где отчетливо проанализирована и объяснена литературная эволюция писательницы до ее отъезда из России и впоследствии. Прочитав их, читатель может ясно представить себе личную и творческую жизнь писательницы. Подробно познакомившись с ее личностью, читатель уже способен

обнаружить многие автобиографические следы, образующие фабульный остов ее рассказов, и мысленно воспроизвести эпизоды ее жизни, отраженные в ее воспоминаниях, созданных в 20-ые годы, но при ее жизни, к сожалению, не опубликованных. И в целом можно утверждать, что страдания героев и героинь (за которыми всегда можно увидеть силуэт Петровской), неоспоримая вера в сверхъестественную силу любви, глубокие внутренние переживания, опустошающие человека, преследующая мысль об окончательном разрыве с жизнью – все это характеризует не только фабулу рассказов, но и мучительный автобиографический путь Петровской.

И все же именно «Воспоминания» вызывают особый интерес. Согласно мнению составителя книги, мемуары Петровской – это «замечательное свидетельство ушедшей эпохи и одновременно блестящее произведение мемуарного жанра», несомненно, ярко и своеобразно передающее дух того времени, в котором писательница самозабвенно и интенсивно пыталась быть его олицетворением. Эти воспоминания – незаменимый, ценный источник сведений о литературной жизни, о символизме, о тех поэтах и писателях, которые составляли культурный пласт того времени. Петровская подходит к созданию мемуаров, соблюдая необыкновенную точность, воспроизводя мельчайшие детали и, в то же время, стараясь соблюдать объективность. Поводом для их написания стал юбилей Брюсова. Этому событию Петровская посвятила очерк, опубликованный на страницах «Накануне», послуживший впоследствии концовкой мемуаров. Рассказ о ее жизни охватывает 1903 - 1905 годы, небольшой период времени, но очень насыщенный событиями. По ее собственным словам, жизнь началась для нее именно в те годы, когда она узнала о символизме, когда в Москве было создано Соколовым издательство «Гриф» и она оказалась в эпицентре литературной жизни Москвы. До этого Петровская, по собственному ее выражению, жила как будто слепая.

В надежде на то, что эта книга воспоминаний будет опубликована в России (этому желанию не суждено было сбыться) или что она облегчит ее возвращение на родину, писательница обдумывает органическую концепцию, структурируя собственные воспоминания на объединении рассказа о подлинных событиях и дневниковых «заметках», в которых отражаются ее эмоции и ощущения. Петровская рисует картину той эпохи, воссоздавая конкретные портреты тех деятелей, которые своим творчеством и духовным напря-

жением способствовали развитию искусства того времени (Бальмонт, Белый, круг «Аргонавтов», Брюсов). Причем она четко отделяет их от всех остальных, подчеркивая что существовали «мы – декаденты» – и все остальные... Основное место в мемуарах отведено двум главным героям культурной жизни той эпохи, Белому и Брюсову. Но если по отношению к Белому ее воспоминания сдержанны, то образ Брюсова приобретает некий магический ореол избранности, отгораживающий его от лжи и искажений, которые, по мысли Петровской, обычно сопутствуют ему в воспоминаниях других членов символистского окружения.

Фигура Брюсова главенствует в мемуарах уже с первых страниц, где он сразу выделяется как истинный основатель и создатель символистского движения. Особое внимание обращает на себя именно то, что Петровская постоянно подчеркивает, что она стремится создать реальный образ поэта, лишенный тех качеств, которые определяют так называемый брюсовский миф (замкнутость, холодность, презрительность). Она пишет, что под ее пером он возникает таким, которого она «так хорошо знала», может быть, единственная... Она старается сделать его более человечным, одновременно указывая на уникальность и неповторимость его личности. Служение символистскому искусству и правде, которая в нем скрыта, были теми принципами, которым поклонялась и Петровская.

Символизм – это призма, через которую она фокусирует реальность, через нее же она продолжает смотреть на жизнь, принимая это как необходимое условие для того, чтобы продолжать жить в современности. Символизм явился для нее спасением от напряженности той эпохи, от тех грядущих событий, которые угрожали бытию, которое она так отчетливо передала, описывая материальность и противоречивость людей, «предавших» или не принявших принципы символизма. В своих мемуарах Петровская попыталась выразить дух символистского движения, который ей было хорошо знаком и которому она оставалась верна на протяжении всей своей жизни. И это ей прекрасно удалось. Мемуары раскрывают, как Петровская старалась стереть границы между земным и воображаемым, ирреальным миром, как вся ее жизнь становилась служением несбыточному. Этот мотив нашел точное отражение в выбранном для названия вступительной статьи, взятом из воспоминаний предложении: «Меня жизнь сделала сюжетом». Последние страницы мемуаров пронизаны предчувствием грядущего хаоса 1905

года... Но автор находит в самом конце еще и необыкновенно проникновенные слова для прощания с эпохой, которая ее сформировала, и с тем человеком, который во всех смыслах определил ее судьбу (напомним, что воспоминания были написаны вскоре после смерти Брюсова).

Заключительный раздел книги – «Критика». Это часть художественной деятельности Петровской оказалась достойна отдельного рассмотрения, поэтому ей предпослана специальная вступительная статья. Символистское восприятие мира обусловило ее доброжелательные высказывания о писателях, исповедовавших символистские заветы, и негативные отзывы об авторах, пошедших иным путем. В литературно-критической деятельности 20-х годов, связанной в основном с газетой «Накануне», она делает упор на новую модернистскую советскую прозу, которая опирается, как ей кажется, на традиции символизма, но делает это творчески, обогащая свое видение новыми приемами. Особенно интересны для итальянского читателя ее остроумные очерки о фашистском периоде в Италии, о литературе и драматургии того периода. Жаль только, что объем издания не позволил включить в него и ее переводы итальянских авторов.

Разбитое зеркало можно отнести к фундаментальным работам о русской эпохе начала XX столетия. И ее можно рекомендовать к прочтению любому человеку, интересующемуся русской литературной историей Серебряного века. Это ценнейшее свидетельство, оставленное участницей культурной процесса того времени, сыгравшей в нем немаловажную роль, вдохновившую своей личностью самых влиятельных деятелей русского символизма.

В заключении следует отметить значимость работы, проделанной М.В. Михайловой, давно и плодотворно работающей над восстановлением судеб и творчества несправедливо забытых писателей. Этой исследовательской работе М.В. Михайлова посвятила большую часть своей научной деятельности, являясь крупным специалистом в сфере изучения женской литературы и привлекая к ней своих учеников. Ее многочисленные изыскания в этой области теперь дополнены и книгой *Разбитое зеркало*, название которой явилось данью памяти несостоявшемуся сборнику писательницы, который она надеялась издать в середине 10-х годов. Оно отражает трагическую судьбу самой Нины Петровской, разбившуюся на мелкие осколки, что, кстати, прекрасно реализовано в оформлении книги художником Андреем Рыбаковым.